

Политические взгляды российского студенчества в начале XX в.

© Н.Н. Юркина

Московский педагогический государственный университет, Москва, 119571, Россия
МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия

Высокая политическая активность учащейся молодежи, ее стремление участвовать в общественной жизни Российской империи, а также яркий отклик на значимые события в жизни страны были характерной чертой периода обучения в университетах конца XIX — начала XX в. Причины формирования активной общественной позиции, идеи, увлекавшие студенчество, массовость сходок и демонстраций привели к тому, что студентов стали считать зачинщиками революционных событий 1905 г. Проанализированы политические убеждения студентов, формы, которые приняло недовольство молодежи, причины, по которым студенты вместо учебы занимались политикой.

Ключевые слова: студенчество, университет, политические идеи, забастовка, общественные движения, публицистика

В начале XX в. студенты оказались в центре внимания общественности, в гуще политических событий. Этот феномен высокой активности учащейся молодежи обратил на себя внимание публицистов и политиков, заставил искать причины активности студентов, их чрезмерной вовлеченности в политическую жизнь крупных городов Российской империи. Многие исследователи писали об особенностях формирования студенчества, искали истоки радикализма и активной общественной позиции в традиционной корпоративности студенчества, в его тесной связи с политическим подпольем и т. д. Множество научных статей и монографий освещают участие студенчества в политической жизни страны в начале XX в., в них описаны события, хронология, факты студенческих волнений накануне и во время Первой русской революции [1–6]. В советской историографии акцент при анализе студенческих волнений и беспорядков делался на их радикальное крыло, анализировались ошибки и просчеты при поражении. Однако современные исследователи более сдержанно отзываются о политической активности студенчества, традиционно выделяют в студенческой среде либеральное, консервативное и радикальное направления деятельности, а также отмечают, что значительное количество студентов было аполитично [7, 8].

Во многих мемуарах и записках отразилось отношение самого студенчества к волнениям и беспорядкам в университетской среде [9–16].

Яркие воспоминания о нарушении привычного учебного распорядка и острых конфликтах среди студентов, а также внутренних переживаниях молодежи оказали влияние на становление их личности.

Проблемы студенчества вызывали большой интерес общественности и регулярно поднимались на страницах печати. Общество XIX в. возлагало на студенчество большую ответственность как на интеллектуальную элиту России, с одной стороны, и как на инициатора многих социально-политических выступлений — с другой [17–20]. Публицисты призывали общество к ответственности в деле воспитания молодежи и критиковали ее за опрометчивость каких-либо поступков. Студенты отзывались на критику и на призывы, по многим студенческим вопросам в печати возникала полемика.

Студенческие волнения и беспорядки вызывали дискуссии в публицистике: консерваторы настаивали на том, что студенты незрелы, не понимают, что делают. Некоторые преподаватели поддержали идею необходимости воспитания студентов. Но часть студентов и преподавателей уже активно и профессионально выступали в это время в революционных кружках и партиях, были опытными политическими деятелями.

Полемику в печати и в широких общественных кругах вызвала статья сборника «Вехи», написанная А.С. Изгоевым в 1909–1910 гг., где он указывал на незрелость молодежных выступлений. В частности, он писал: «У нас стало как бы общепризнанным и никого не смущающим фактом, что горячий юноша-идеалист, полный возвышеннейших революционных порывов, не успеет получить аттестат зрелости, как мгновенно превращается либо в чиновника-карьериста, либо в своекорыстного дельца. И это обстоятельство заставляет подумать, нет ли чего ложного в нашем студенческом идеализме, приводящем к таким печальным результатам, нет ли там иной раз вместо высокого духовного подъема просто опьянения гашишем, временно возбуждающим, но расслабляющим на всю жизнь?» [18, с. 205]. В мемуарной литературе также можно встретить воспоминания о беспорядках в университетах как проявление юношеского максимализма. Однако авторы мемуаров указывают и на тот положительный аспект участия в студенческом движении, который влиял на мировоззрение, формировал личность, заставлял задумываться над выборами времени и делать выбор.

Сами участники революционного студенческого движения положительно оценивают свой опыт участия в беспорядках. Интересно «Письмо Императору», в котором Н.А. Серно-Соловьевич размышляет об эволюции студенчества. «С этим поколением... не следует поступать по бывшим примерам, потому что оно не походит на прежнее... характер становится более и более господствующим

в способной части молодежи. Это личности, которых нельзя ни купить ни застрашать, люди стойких убеждений и правил, хотя, обыкновенно, не сходных с понятиями старого времени, враги всякой неправды; мягкие сердцем, не раздражительные» [21, с. 71, 72]. Во второй половине XIX в. такой тип студента становится доминирующим, влиятельным. Именно таким представителям молодежи подражают остальные.

Волна студенческих беспорядков уже к 1899 г. достигла своей вершины. Несмотря на это, в печати появляется доклад министра народного просвещения П.С. Ванновского, который стремится показать, что студенческие беспорядки немногочисленны и носят традиционный характер. Он пишет: «...день годовщины открытия и торжественного акта в Императорском Санкт-петербургском университете, с давних пор сопровождается более или менее значительными уличными беспорядками, вызывающими вмешательство полиции. Это явление, в равной мере свойственное и другим русским университетам, известно в учебных заведениях Европы». В 1899 г. в них «принимала участие сравнительно небольшая группа студентов, что... постоянно вызывало неодобрение со стороны большинства учащейся молодежи». Ванновский опирается на статистику, он пишет, что наибольшее число студентов в 1898 г. 700 человек — составляло 18 % по отношению к общему числу студентов Университета (3788 человек) [22, с. 1, 2].

Несмотря на попытки смягчить обстановку, сами студенты вспоминали о растущем в их среде расколе, разделяющем молодежь на два непримиримых лагеря. В.М. Юзефович пишет: студенты «разделяли людей на две категории: мы и подлецы». Развилась мода на радикализм. Заниматься учебной деятельностью стало не престижно, а заседать в кружках и обществах за обсуждением альтернативной и запрещенной литературы, философствовать и говорить о переустройстве государства и власти — правильно. «Умеренность, в политическом смысле, не была в большом ходу в описываемую эпоху и требовала гораздо большего гражданского мужества, чем явно враждебное правительству настроение» [9, с. 32, 33], — подытоживает автор.

Традиционная корпоративность, сплоченность студенчества способствовали формированию стойких правил и устоев, передававшихся последующим поколениям молодежи, приходившим в университет. С различной эмоциональной окраской, но в целом очень схоже, описывают бывшие студенты различных политических направлений, от ультраконсервативных до радикальных, ее формирование: «Несмотря на строжайшие запрещения во всех университетах возникают нелегальные студенческие союзы и другие корпоративные учреждения, в которых вырабатываются определенные *традиции*, передаваемые от

одного университетского поколения к другому» [10, с. 3], что приводит к формированию студенчества как реальной политической силы. По уставу 1884 г. запрещалась деятельность научных, литературных и других кружков, а также землячеств, с предупреждением, что «в случае обнаружения участия их (студентов) в каком-либо обществе, — они будут увольняться из заведения», — гласило распоряжение Делянова от 1887 г. [4, с. 18]. «Тем не менее, землячества... возникали повсеместно в силу того простого факта», что главной их целью было «оказание денежной помощи своим членам» [20, с. 223, 224].

«Наряду с ростом корпоративной солидарности, вырабатываются и определенные этические представления, создается свой материальный кодекс», «за каждый проступок член академической семьи отвечает перед сотоварищами» [23, с. 193], т. е. существовала своего рода круговая порука, на разных факультетах и в разных вузах степень ее отличалась, но в целом и студенты, и руководство университета стремились решать все дисциплинарные вопросы внутри вуза.

К началу XX в. эти основы жизни вылились во вполне устойчивые политические убеждения. «В университете сами собою намечались и проводились в жизнь элементы свободной политической жизни: свобода собраний и организаций, свобода слова и печати. Неприкосновенность личности тоже входила в число студенческих идеалов» [11, с. 11]. Русское общество поддерживало молодежь, «синий околышек студента был патентом на доверие» [24, с. 135]. Идеалами студенчества к концу XIX в. стали «готовность подчинять личное мнение общему, презрение к внешним отличиям и благам жизни...», что приводило к фанатизму и нетерпимости к иной позиции, «в студенческие годы даже недруги демократии шли в ее ряды, действовали вместе с нею. Гегемония интеллигентного разночинца была настолько сильна в студенчестве, что облик его заслонил собою иные типы молодежи» [11, с. 15]. В то же время, к концу XIX в. в университетах образовалось крайне консервативное крыло студенчества. Оно заботливо опекалось университетской администрацией. Уже в 1870-е годы появляется презрительное прозвище «белоподкладочник». Студенты-консерваторы были откровенными «политиками». Борясь за «спокойствие» университетов, они объявляли себя борцами и за внутреннюю безопасность империи в целом [19, с. 122]. В 1870–1880-х годах из учащих рекрутировалась подпольными политическими партиями революционная молодежь. Существенную роль в студенческом движении начинают играть те, кто сознательно решил посвятить себя борьбе с самодержавием. В.И. Ленин, например, отмечал, что до середины 1890-х годов, т. е. до вступления в революционную борьбу пролетариата, «бунтовали одни студенты». С конца 1880-х годов в университетах появляются кружки «самообразования» марксистского толка [4, с. 121].

Размышления о политическом устройстве России, социальной несправедливости и интерес к новым философским учениям приводили к тому, что студент-радикал становился популярным. С 1860-х годов оратор в красной рубахе встречался все чаще. А.Ф. Керенский справедливо отмечал: «Не социологические доктрины порождали революционное движение в стране. Мы вступали в ряды революционеров не в результате того, что подпольно изучали запрещенные идеи. На революционную борьбу нас толкал сам режим» [14, с. 18]. В 1880-е годы появились стихи про студентов-демонстрантов:

«Я видел грозные моменты,
Досель кружится голова...
Шумели бурные студенты,
Гудела старая Москва.
...
Свистки... Ура... Нагайки... Вой...
Кругом войска...
Студенты спрятаны в Манеже,
Шумят как бурная река» [25, с. 30–37].

В народном творчестве отразились бушевавшие вокруг университетов страсти, студенты стали активными участниками беспорядков и демонстраций, на это полиция реагировала довольно жестко. Демонстрации разгонялись, студенты подвергались различным наказаниям. Однако общество сочувственно относилось к студентам, поддерживало их, ждало от молодежи перемен:

«...Слово свободное
Руси откроет глаза».

Именно в студенческой среде впервые появился распространенный лозунг: в Татьянин день «впервые был выкрикнут лозунг “Долой самодержавие”, впервые он прозвучал среди студенчества» [25, с. 30–37]. «...Долой самодержавие! — Это был общий лозунг. Его передавали друг другу, как пароль, сначала шепотом, вполголоса. Потом все громче, громче» [15, с. 245]. К 1905 г. «движение за свержение самодержавия стало всенародным» [14, с. 22].

Необходимо отметить еще один интересный аспект, встречающийся в мемуарной, художественной литературе и закрепившийся в науке как шаблон. Студенчество заметно отличалось по регионам. Это отличие начинало формироваться еще в гимназической среде. Консервативный политик и эмигрант А.Ф. Керенский пишет: «Учившиеся в школах Ташкента, за редким исключением, смотрели на мир без всяких предубеждений... мы были вольны делать свои собственные выводы из происходящих событий. Именно это позволило мне

постепенно изменить свои взгляды и освободиться от веры в благодетельного царя» [14, с. 9].

Раскол между радикальными и аполитичными студентами особенно остро ощущался в Санкт-Петербургском университете. Студенты математического и медицинского факультетов долго оставались в стороне от волнений и беспорядков, «продолжая систематически и спокойно посещать лекции» [16, с. 90–92], вспоминает С. Гессен. Он также отмечает, что именно в Петербурге большое воздействие на студенчество оказывали «посторонние лица», от влияния которых он стремился удержать товарищей: «Большая часть студентов... по предварительному соглашению старалась и успела удержать своих товарищей и толпу от своеволия и оскорбления частных лиц» [16, с. 14]. Тем не менее провинциальные подростки следили пристально за событиями в столице. Мы «слышали об университетских беспорядках, ставших в столице повседневностью», — вспоминает Керенский. «Все это крайне встревожило родителей, но ничуть не обеспокоило ни Ньюту (Анну), ни меня. Еленины рассказы лишь усилили наше страстное желание поскорее добраться до Санкт-Петербурга» [14, с. 12].

Революционные партии, действуя в подполье, большое значение придавали работе в различных городах России. Так, будущий крупный историк Н.М. Дружинин вспоминает: «Знакомясь с французскими революциями XIX в., убедился, что и студенты могут принести некоторую пользу в революционном движении. С помощью явок я установил связь с Саратовским комитетом РСДРП и приступил к активной работе в качестве организатора, а позднее агитатора большевистского крыла... Я выступал с речами в заводских цехах, на “Пешке”... в фельдшерской школе, где собирались передовые рабочие и представители интеллигенции» [13, с. 605, 606].

Особым колоритом отличался Киевский университет, в котором учился В.М. Юзефович. Он описывает одну из сходов, характеризуя ее как массовую и беспорядочную. Многонациональный состав студенчества влиял на отношения между студентами, в среде которых возникли разногласия по поводу адреса ректору, в котором были бы изложены их требования. Русские студенты отказались от поддержки адреса, поскольку их один раз уже выгнали в качестве наказания за беспорядки. В целом волнения, шум и беспорядки внутри университета продолжались пять дней, студенты практически не учились, но и единства среди них не было [9, с. 19–28]. А.Н. Бах, известный народоволец, учившийся в Киевском университете, отмечал, что для революционной работы там была благоприятная почва. В то же время самым аполитичным университетом считался Московский. Бах обращал внимание на то, что в Москве нет серьезно организованной революционной работы. В московских революционных кругах суще-

ствовала «специфически-московская особенность»: «Между московскими революционными кругами и охраной существовала непрерывная связь. Буквально трудно было определить, где кончалась революционная организация и где начиналась шпионская... я и сам попал в сферу ее действия» [26, с. 158, 159]. Несмотря на региональные отличия, в целом революционная, оппозиционная работа студенчества России оказалась модной, общепринятой и востребованной, к тому же многих увлекали стройные и логические марксистские схемы, которые получали вполне реальное воплощение в деятельности РСДРП.

К 1905 г. политический и эмоциональный накал в студенческой среде возрастал. «Расстрел 9 января 1905 г. повлек за собой организованную забастовку студентов и закрытие университета» [13, с. 602] в Москве. Студенты все более четко определялись со своей партийной принадлежностью. В университетах начинали возникать партийные группы. Рушились землячества, непрочными оказались их объединенные органы — Союзные советы землячества и студенческих организаций, Исполнительные комитеты объединенных землячеств [20, с. 230] и пр. «Университеты действительно были школами, где накапливались не только знания и умственные навыки; там же складывались определенные течения, вырабатывалось миросозерцание, завязывались кружковые связи, заменявшие недозволенные партийные группировки. Профессора пользовались и у молодежи и в обществе исключительным авторитетом, не только научным. На них оглядывались, от них ожидали руководства» [15, с. 243–245]. Влияние отдельных преподавателей на студенчество было колоссальным, появлялись кумиры, лидеры. «... мы особенно чутко прислушивались к общественным ноткам в речах наших профессоров» [27, с. 597]. Важным становилось не учебное, а политическое, значение приобретали политические идеи, студенты искали ответы на насущные вопросы, а учеба все больше отходила на второй план. Ощущение краха самодержавия, предчувствие катастрофы охватили часть интеллигентной молодежи. Д.И. Мейснер вспоминает: «...та взволнованность, нервозность и как бы психическая неустойчивость, которые так обострились в годы войны, сильно сказались на нас, мешали нам отдаться чему-либо с подлинной силой и страстностью. Мы... были детьми последнего поколения старой России и на нас лежала печать известной обреченности... Небывалая же по напряженности война с необыкновенной быстротой расшатывала все устои. Разрыв между отдельными слоями населения возрастал» [28, с. 18].

Таким образом, особенностью студенческой молодежи в начале XX в. была ее высокая политическая активность, ощущение сопричастности судьбе российского государства. Эти качества формировались на протяжении всего XIX столетия и являлись одной из форм становления личности российского гражданина.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Соломонов В.А. Об участии московского студенчества в Первой Всероссийской студенческой забастовке 1899 г. *Вестник Московского университета. Серия 8 История*, 1994, № 2, с. 148–155.
- [2] Ушаков А.В. Интеллигенция в России периода буржуазно-демократических революций. *Революционное движение демократической интеллигенции в России в период империализма. Сборник научных трудов*. Москва, МГЗПИ, 1984, 35 с.
- [3] Шалагинова Л.М. Студенческое движение накануне и в дни Февральской революции. *Вопросы истории КПСС*, 1967, № 2, с. 102–106.
- [4] Гусятников П.С. *Революционное студенческое движение России 1899–1907 гг.* Москва, Мысль, 1971, 264 с.
- [5] Пешников В.В. *В.И. Ленин и студенческое движение России*. Москва, Высшая школа, 1973, 102 с.
- [6] Ткаченко П.С. *Учащаяся молодежь в революционном движении 60-70-х гг. XIX века*. Москва, Мысль, 1978, 245 с.
- [7] Иванов А.Е. *Студенчество России конца XIX — начала XX в.: социально-историческая судьба*. Москва, РОССПЭН, 1999, 414 с.
- [8] Новиков М.В., Перфилова Т.Б. Студенческие волнения накануне «Эпохи Великих реформ». *Ярославский педагогический вестник*, 2013, № 2, т. I (Гуманитарные науки). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/studencheskie-volneniya-nakanune-epochi-velikih-reform/viewer> (дата обращения 12.02.2023).
- [9] Юзефович В.М. *Тридцать лет тому назад. Очерк из студенческой жизни*. Киев, Типография Г.Л. Фронцкевича, 1898, 76 с.
- [10] Мельгунов С. *Студенческие организации 80–90-х гг. в Московском университете (по архивным данным)*, Москва, Свободная Россия, 1908, 103 с.
- [11] Сватиков С. *Русское студенчество прежде и теперь*. Б/м, 1916, 19 с.
- [12] Витте С.Ю. *Избранные воспоминания. 1849–1911 гг.* Москва, Мысль, 1991, 718 с.
- [13] Дружинин Н.М. Воспоминания и мысли историка. В сб.: Емельянов Ю.Н., сост. *Московский университет в воспоминаниях современников*. Москва, Современник, 1989, с. 103–144.
- [14] Керенский А.Ф. *Россия на историческом повороте: Мемуары*. Москва, Республика, 1993, 383 с.
- [15] Тыркова-Вильямс А.В. *Воспоминания. То, чего больше не будет*. Москва, Слово, 1998, 267 с.
- [16] Гессен С. Петербургский университет осенью 1861 г. В сб.: *Революционное движение 1860-х гг.* Москва, Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1932, 259 с.
- [17] Еленев Ф. Студенческие беспорядки. Санкт-Петербург, Типография товарищества «Общественная польза», 1898, 18 с.
- [18] Изгоев А.С. Об интеллигентной молодежи (Заметки о ее быте и настроениях). В сб.: *Вехи: сборник статей о русской интеллигенции*. Москва, Новости, 1990, с. 530–551.
- [19] Иванов П. *Студенты в Москве. Быт. Нравы. Типы*. Москва, б.и., 1918, 196 с.
- [20] Орлов В.И. *Студенческое движение Московского университета в XIX столетии*. Москва, Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1934, 398 с.
- [21] Отставной надворный советник Н.А. Серно-Соловьевич. Письмо Императору, В сб.: Козьмин Б.П. *Революционное движение 1860-х гг.* Москва, Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1932, с. 29–34.

- [22] Ванновский П.С. *Доклад Ванновского по поводу студенческих беспорядков 1899 г.* Санкт-Петербург, Издание типографии «Самокат», 1907, 43 с.
- [23] Бороздин И.Н. Василию Ивановичу Семевскому. В кн.: *Университеты в России в эпоху 60-х гг.* Москва, 1904, с. 34–47.
- [24] Засосов Д.А., Пызин В.И. *Из жизни Петербурга 1890–1910-х годов. Записки очевидцев. Репринт.* Ленинград, Лениздат, 1991, 271 с.
- [25] Гиляровский В. *Записки москвича.* Москва, Федерация, 1931, 237 с.
- [26] Бах А.Н. *Записки народовольца.* Москва, Ленинград, Молодая гвардия, 1929, 253 с.
- [27] Радциг С.И. Страницы из воспоминаний. В сб.: Емельянов Ю.Н., сост. *Московский университет в воспоминаниях современников.* Москва, Современник, 1989, с. 391–420.
- [28] Мейснер Д.И. *Миражи и действительность: записки эмигранта.* Москва, Новости, 1966, 298 с.

Статья поступила в редакцию 23.06.2023

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Юркина Н.Н. Политические взгляды российского студенчества в начале XX в. *Гуманитарный вестник*, 2023, вып. 4.
<http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2023-4-856>

Юркина Наталия Николаевна — канд. истор. наук, доцент, доцент кафедры истории России Института истории и политики МПГУ, доцент кафедры «История» МГТУ им. Н.Э. Баумана. e-mail: nn.yurkina@mpgu.su

Political views of the Russian students in the early XX century

© N.N. Yurkina

Moscow Pedagogical State University, Moscow, 119571 Russia
Bauman Moscow State Technical University, Moscow, 105005, Russia

High political activity of young students, their desire to participate in public life in the Russian Empire, as well as vivid response to significant events in the country life were a characteristic feature of the educational period at universities in the late XIX and early XX centuries. Reasons for formation of the active public position, ideas captivating the students, mass gatherings and demonstrations led to the fact that the students were considered instigators of the 1905 revolutionary events. The paper analyzes political convictions of students, forms manifested by the youth discontent, reasons, why the students concentrated on politics instead of studying.

Keywords: *students, university, political ideas, strike, social movements, social and political journalism*

REFERENCES

- [1] Solomonov V.A. Ob uchastii moskovskogo studenchestva v Pervoy Vserossiyskoy studencheskoy zabastovke 1899 g. [On Moscow students' participation in the First All-Russian students' strike of 1899]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8 Istoriya — Moscow University Bulletin. Series 8: History*, 1994, no. 2, pp. 148–155.
- [2] Ushakov A.V. Intelligentsiya v Rossii perioda burzhuzno-demokraticeskikh revolyutsiy [Intelligentsia in Russia in the period of bourgeois democratic revolutions]. In: *Revolyutsionnoe dvizhenie demokraticeskoy intelligentsii v Rossii v period imperializma. Sbornik nauchnykh trudov* [Revolutionary movement of democratic intelligentsia in Russia in the period of imperialism. Collection of scientific works]. Moscow, MGZPI Publ., 1984, 35 p.
- [3] Shalaginova L.M. Studencheskoe dvizhenie nakanune i v dni Fevral'skoy revolyutsii [Students' movement on the eve and during the February revolution]. *Voprosy istorii KPSS — Issues of the CPSU history*, 1967, no. 2, pp. 102–106.
- [4] Gusyatinikov P.S. *Revolyutsionnoe studencheskoe dvizhenie Rossii 1899–1907 gg.* [Revolutionary students' movement in Russia in 1899–1907]. Moscow, Mysl Publ., 1971, 264 p.
- [5] Peshnikov V.V. *V.I. Lenin i studencheskoe dvizhenie Rossii* [V.I. Lenin and the students' movement in Russia]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1973, 102 p.
- [6] Tkachenko P.S. *Uchaschayasya molodezh v revolyutsionnom dvizhenii 60–70-kh gg. XIX veka* [Students in revolutionary movement in 1860–1870s of the XIX century]. Moscow, Mysl Publ., 1978, 245 p.
- [7] Ivanov A.E. *Studenchestvo Rossii kontsa XIX — nachala XX vv.: sotsialno-istoricheskaya sudba* [Students in Russia in the end of XIX — beginning of the XX centuries: sociohistorical destiny]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1999, 414 p.
- [8] Novikov M.V., Perfilova T.B. Studencheskie volneniya nakanune «Epokhi Velikikh reform» [Students' disorders on the eve of “the Era of Great Reforms”]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik — Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2013, no. 2, vol. 1 (Humanitarian sciences). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/studencheskie-volneniya-nakanune-epokhi-velikih-reform/viewer> (accessed February 12, 2023).

- [9] Yuzefovich V.M. *Tridtsat let tomu nazad. Ocherk iz studencheskoy zhizni* [Thirty year ago. Essay from the student's life]. Kiev, Tipografiya G.L. Frontskevicha, 1898, 76 p.
- [10] Melgunov S. *Studencheskie organizatsii 80–90-h gg. v Moskovskom universitete (po arkhivnym dannym)* [Student organizations of 80–90s in the Moscow University (according to the archive data)]. Moscow, Svobodnaya Rossiya Publ., 1908, 103 p.
- [11] Svatikov S. *Russkoe studenchestvo prezhde i teper* [Russian students before and now]. N/1, 1916, 19 p.
- [12] Vitte S.Yu. *Izbrannye vospominaniya. 1849–1911 gg.* [Selected memoirs. 1849–1911]. Moscow, Mysl Publ., 1991, 718 p.
- [13] Druzhinin N.M. *Vospominaniya i mysli istorika* [Memoirs and thoughts of a historian]: In: Emelyanov Yu.N., comp. *Moskovskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov* [Moscow University in memoirs of the contemporaries]. Moscow, Sovremennik Publ., 1989, pp. 103–144.
- [14] Kerenskiy A.F. *Rossiya na istoricheskom povorote: Memuary* [Russia at the historical turn; Memoirs]. Moscow, Respublika Publ., 1993, 383 p.
- [15] Tyrkova-Vilyams A.V. *Vospominaniya. To, chego bolshe ne budet* [Memoirs. That will never be again]. Moscow, Slovo Publ., 1998, 267 p.
- [16] Gessen S. *Peterburgskiy universitet osenyu 1861 g.* [Petersburg university in the autumn of 1861]. In: *Revolyutsionnoe dvizhenie 1860-kh gg.* [Revolutionary movement in the 1860s]. Moscow, Vsesoyuznogo Obschestva Politkatorzhan i Ssynoposelentsev Publ., 1932, 259 p.
- [17] Eleneev F. *Studencheskie besporyadki* [Student disorders]. Saint-Petersburg, Tipografiya Tovarischestva «Obschestvennaya Polza», 1898, 18 p.
- [18] Izgoev A.S. *Ob intelligentnoy molodezhi (Zametki ob ee byte i nastroeniyakh)* [On intelligent youth (notes about their everyday life and moods)]. In: *Vekhi: sbornik statey o russkoy intelligentsii* [Milestones: collection of articles about Russian intelligentsia]. Moscow, Novosti Publ., 1990, pp. 530–551.
- [19] Ivanov P. *Studenty v Moskve. Byt. Nrvy. Tipy* [Students in Moscow. Everyday life. Moods. Types]. Moscow, N/1, 1918, 196 p.
- [20] Orlov V.I. *Studencheskoe dvizhenie Moskovskogo universiteta v XIX stoletii* [Students' movement in the Moscow University in the XIX century]. Moscow, Vsesoyuznogo Obschestva Politkatorzhan i Ssynoposelentsev Publ., 1934, 398 p.
- [21] Ostavnoy nadvornyi sovetnik N.A. Serno-Solovyevich. *Pismo Imperatoru.* [Court Counselor N.A. Serno-Solovyevich, retired. Letter to the Emperor]. In: Kozmin B.P. *Revolyutsionnoe dvizhenie 1860-kh gg.* [Revolutionary movement in the 1860s]. Moscow, Vsesoyuznogo Obschestva Politkatorzhan i Ssynoposelentsev Publ., 1932, pp. 29–34.
- [22] Vannovskiy P.S. *Doklad Vannovskogo po povodu studencheskikh besporyadkov 1899 g.* [Vannovskiy report on students' disorders of 1899]. Saint-Petersburg, Izdanie Tipografii Samokat, 1907, 43 p.
- [23] Borozdin I.N. *Vasiliyu Ivanovichu Semevskomu* [To Vasilii Ivanovich Semenovkiy]. In: *Universitety v Rossii v epokhu 60-kh gg.* [Universities in Russia in the 60s era]. Moscow, 1904, pp. 34–47.
- [24] Zasosov D.A., Pyzin V.I. *Iz zhizni Peterburga 1890–1910-kh godov. Zapiski ochevidtsev. Reprint* [From the Petersburg life in 1890–1910s. Notes of the witnesses. Reprint]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1991, 271 p.
- [25] Gilyarovskiy V. *Zapiski moskvicha* [Notes of a Moscovite]. Moscow, Federatsiya Publ., 1931, 237 p.
- [26] Bakh A.N. *Zapiski narodovolitsa* [Notes of the Narodnaya Volya member]. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 1929, 253 p.

- [27] Radtsig S.I. Stranitsy iz vospominaniy [Pages from memoirs]. In: Emelyanov Yu.N., comp. *Moskovskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov* [Moscow university in memoirs of the contemporaries]. Moscow, Sovremennik Publ., 1989, pp. 391–420.
- [28] Meysner D.I. *Mirazhi i deystvitelnost: zapiski emigranta* [Illusions and reality: notes of the emigrant]. Moscow, Novosti Publ., 1966, 298 p.

Yurkina N.N., Cand. Sc. (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of the Russian History, Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University; Associate Professor, Department of History, Bauman Moscow State Technical University. e-mail: nn.yurkina@mpgu.su